

обрусение Туркестанскаго края, но чувство справедливости принуждаетъ меня сказать, на основаніи моего многолѣтняго знакомства съ дѣятельностью на роднаго суда, что онъ, лаская патристическія чувства туземца, не приноситъ ему ничего кромѣ вреда.

Что же касается по отношенію къ намъ, то народный судъ какъ по своей идее, такъ и на практикѣ, является препятствіемъ для необходимаго въ интересахъ жизни сближенія обоихъ народовъ, а потому его необходимо какъ можно скорѣй реорганизовать.

Евгеній Медвѣдевъ.

Сартовская литература.

Очеркъ Гр. Андреева.

За послѣднее время, съ открытіемъ большого количества типографій и литографій и дешевой цѣны на изданія, книжное дѣло сартовъ значительно расширилось. Теперь въ сартовскомъ городѣ на „сахавъ“ (книжномъ) базарѣ до 40 лавокъ и двѣ литографіи, а въ каждомъ незначительномъ сартовскомъ городѣ непременно найдется десятокъ специально книжныхъ лавокъ; также нѣтъ ни одного порядочнаго книшлага, гдѣбы не нашлось нѣсколько книжныхъ лавочковъ. Изданіе и продажа между сартами въ настоящее время счѣнъ распространены, такъ какъ торговля книгами сейчасъ считается почти самой доходной статьей. Если принять во вниманіе, что издатель сартъ на печатаніе одной книги въ 112 стр. потратитъ среднимъ 115 руб., то выпуская данный экземпляръ въ тысячахъ, и продавая его по 30 и 35 коп. въ Ташкентѣ, а въ провинціяхъ 40 и 45 к. получаетъ огромную пользу. Такое выгодное дѣло вызвало массу предпринимателей—издателей, и теперь десятки тысячъ книгъ наводняютъ

все книжные базары Туркестана. Книги все въ переплетахъ и въ сравненіи съ русскими книгами, значительно дешевле, что дѣлаетъ доступными ихъ для бѣднаго класса населенія и повышаетъ спросъ на нихъ.

Конечно, съ большимъ изданіемъ книгъ и громаднымъ спросомъ на нихъ, литература сартовъ значительно подвинулась, и въ свѣтъ начала появляться масса новыхъ изданій. Многие изъ образованных сартовъ сами начали переводить съ арабскаго и персидскаго, на родной языкъ, также и самостоятельно писать и, войдя въ соглашеніе съ богатыми, (большинство хорошо образованных сартовъ бѣдняки), издавать свои сочиненія. Писатели, какъ у всехъ образованных народовъ, стремятся, чтобы ихъ произведенія были бы въ большомъ спросѣ, а такъ какъ большинство читателей сартовъ по своему мало образованно, (имъ недоступны болѣе или менѣ серьезные книги), то писатели стараются угодить ихъ вкусамъ и пишутъ книги по силамъ ихъ умственнаго уровня и развитія.

Самымъ подходящимъ разрядомъ литературы для народа, соответствующимъ его пониманію и пользующимся большимъ распространеніемъ между сартами, считается переводная литература съ персидскаго и подраженіе ей—„чесса“—повѣсть, романъ. Другія области литературы не пользуются такою популярностью, какъ эта. Книги эти читаются съ большимъ интересомъ сартами на персидскомъ языкѣ, переводятся на родной языкъ, пишутся подобныя имъ и потомъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ рассылаются по городамъ и книшлагамъ. Неудивительно, что родъ этой литературы пользуется общимъ вниманіемъ и любовью народа, такъ какъ

она самая интересная из областей литературы сартовъ, и сюжеты, взятые ею, непосредственно черпаются изъ жизни народа. Это будетъ понятно вообще изъ общаго знакомства съ литературой сартовъ.

Сейчасъ уже настало такое время, когда интересъ русскихъ къ аборигенамъ страны—сартамъ захватываетъ все: интересуются и обычаями, и нравами и занятіями, и увеселеніями; особенно же ихъ нравственными воззрѣніями. Вездѣ падаютъ подходящій матеріалъ; работа дѣятельно кипитъ всюду. Но еще много неразработанныхъ областей, куда пытливый умъ европѣца еще мало проникалъ, много еще нужно работать, много еще пройдетъ времени, пока ярко не обрисуетъ умственная и нравственная жизнь замкнутого въ себя правдиваго народа.

— Изъ такихъ еще мало разработанныхъ областей знанія является сартовская литература. Мало известно еще и о литературѣ сартовъ, а, вѣдь, въ литературѣ, какъ говоритъ Бѣлинскій, отражается вся жизнь даннаго народа.

Ни одинъ образованный народъ въ мірѣ не отличается такъ бѣдностью въ литературѣ, какъ сарты. Они народъ, тѣсно замурованный въ рамки религіи, и литература у нихъ строго дѣлится: на литературу религіознаго характера и свѣтскую.

Къ религіозной литературѣ сартовъ относятся всѣ духовныя книги арабовъ и персовъ, а такъ какъ переводить Коранъ съ арабскаго запрещено Магометомъ, то въ сартовскомъ языкѣ существуютъ только комментаріи на Коранъ.

Всѣ книги духовнаго цикла строго трактуютъ о догматахъ религіи—шаріата; объ отношеніяхъ людей къ Богу—тариката; уставъ дerviшской, пировъ (духовныхъ старѣй-

шинъ) ихъ законовъ и поученій, подчиненіи имъ муридовъ (последователей, учениковъ)—маруфата; условныхъ правилъ сожителства людей другъ съ другомъ хакиката.

На эти четыре темы ведутся съ испоконъ вѣковъ жаркія полемики, диспуты, пишутся сотни тысячъ комментарій и трактатовъ преимущественно на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Всѣ эти книги чисто религіозно-схоластическаго характера и доступны только меньшинству образованныхъ сартовъ; они же проходятся въ сартовскихъ духовныхъ академіяхъ мадрасахъ.

Къ этой категоріи книгъ можно отнести книги спеціально научныя, также читаемыя образованными сартами: исторія, географія, математика, физика, химія, астрономія, алгебра, педагогика и др. науки; сюда же относятся мемуары, различныя замѣтки, лечебники, словари, оракулы, различныя изысканія и др. Всѣ онѣ преимущественно на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, почти не переводятся на сартовскій и служатъ только достояніемъ меньшинства образованныхъ ученыхъ сартовъ. Много духовныхъ книгъ, разъясняющихъ догматы религіи, переведены съ арабскаго на сартовскій. Мухтасаръ, Абабилъ, Салахинъ и др., но по причинѣ множества арабскихъ и персидскихъ словъ, неизбежныхъ при переводѣ по недостатку лексики сартовъ, онѣ богато уснащаются арабскими и персидскими словами и текстами и содержаніе ихъ туманно и мало доступно для народа. Почему народу въ дѣлахъ религіи приходится довольствоваться только катехизисами чисто на сартовскомъ языкѣ—Мухаммати-динъ, (вѣра Магомета) Мингъ-сазель (тысяча вопросовъ) и устными поученіями домуллы (учителя) и имама (вѣроучителя).

Вотъ все, что можно сказать про религіозно-научныя книги сартовъ. Правда, между ними есть особыя книги религіозно-народныя: — сказанія о житіяхъ святыхъ, пророчества, религіозныя легенды, сказанія о явленіяхъ природы (тоже духовнаго характера) и др., но эту область литературы можно скорѣе отнести къ свѣтско-народной.

Свѣтскую сартовскую литературу можно раздѣлять на два отдѣла: переводную съ персидскаго и свою чисто народную — сартовскую. Къ первой относятся переводныя произведенія съ персидскаго и подражаніе имъ въ чисто народномъ вкусѣ, а ко второй — произведенія сартовъ поэтовъ-мистиковъ: Сунны-Алла-Яра, Ахматъ Ходжи Исавійскаго (Туркестанскаго) Амира Навои, Фузули, Дивана Машраба, Хувандо и много др. современныхъ поэтовъ подражателей.

Произведенія этихъ поэтовъ религіозно-мистическаго и свѣтскаго характера изъ жизни сартовъ. Эта область литературы самая симпатичная, такъ какъ произведенія ея чисто народнаго характера; на ней подвизаются лучшіе поэты и писатели сартовъ; она также пользуется большою любовью простонародья.

Къ этой области литературы я отношу также историческую литературу сартовъ: „Дужангъ-нома“ — описаніе войнъ, богатырей, подвиги святыхъ, турецкихъ царей, легенды, сказанія, путешествія. Каждой изъ означенныхъ областей литературы сартовъ я постараюсь дать необходимыя разясненія, конечно, что можно только въ предѣлахъ газетной статьи.

Возвращаясь къ переводной литературѣ.

Я уже упоминалъ, что переводная съ персидскаго литература пользуется между высшимъ и низ-

шимъ классами населенія большою популярностью, такъ какъ жизнь персовъ много похожа на сартовскую и соответствуетъ вкусамъ и наклонностямъ сартовскаго народа.

У всякаго народа есть своя первоначальная (лубочная), если не письменная, то устная литература. Русский народъ всегда начинаетъ свое самообразование съ чтенія Бобы Королевича, Ивана дурака, Походженіе пошехонцевъ и др. книгъ. Еще Бѣлинскій, въ біографіи Кольцова, восклицаетъ: „кто миновалъ въ дѣтствѣ изъ русскаго народа сказокъ Бобы Королевича, Ивана Царевича и др.“

Конечно, это объясняется тѣмъ, что въ дѣтствѣ душа стремится къ чему-то чудесному, фантастическому (такова дѣтская природа). Здѣсь же вообще можно сказать, что русскій народъ еще находится въ своей первоначальной чистотѣ, онъ только просыпается отъ вѣковѣчной спячки. И пройдетъ еще много времени, когда русскій мужикъ промѣняетъ добровольно Бобу на Пушкина...

Персія, какъ и Россія, находится еще въ своей патріархальной чистотѣ. (Я упомянулъ уже, что народная литература сартовъ позаимствована у персовъ). Книжки, которыя она читаетъ, также по преимуществу религіозныя. Наряду съ этими читаются и п. эти-мистики — Шейхъ Саади, Хафизъ и др. Это поэты философы и не для всѣхъ доступны.

Мѣткій персидскій юморъ, жажда послушать боѣе интересныя рассказы, чѣмъ скучныя истины религіи, влеченіе хоть немного позабыться отъ превратностей судьбы, повѣсти о хитростяхъ и изворотливостяхъ женщинъ, анекдоты о любовныхъ похожденияхъ, все это — сдѣлаи дѣлую лубочно-народную литературу. Эта литература, подѣ-

общимъ именемъ ксса (разсказъ, повѣсть, романъ) есть яркій выразитель жизни восточныхъ народовъ.

Это не наши сказки про Бову, гдѣ нѣтъ почти ничего русскаго. Въ „ксса“ живо обрисовывается религіозность народа, его природная страстность, хитрость женщинъ, народные законы и наказанія, доступность царя для всего народа и многія другія качества характера народовъ востока.

По большей части книга такая начинается слѣдующими словами: „Вѣстники разсказовъ, хранящіе въ себѣ слѣды событій, въ одномъ собраніи народа, повѣдали слѣдующее“ и далѣе начинается самый разсказъ.

Обыкновенно авторъ излагаетъ повѣствованіе съ рожденія героя. Въ повѣстяхъ „Царевичъ Бахрамъ и царевна Гуль-Андамъ“, „Шохъ Санамъ и Гаибъ“ разсказъ начинается съ рожденіемъ самыхъ героев—Бахрама и Гаиба. Затѣмъ идетъ обстоятельное описаніе Бахрама въ духѣ народныхъ обычаевъ: съ 1-го год. жизни его отдають нянькѣ; на третьемъ—его учать ѣздить верхомъ; на шестомъ—его заставляютъ посѣщать школу, 15 лѣтъ онъ кончаетъ школу и на 17 году его обучаютъ военному искусству. Этимъ заканчивается воспитаніе царевича; изъ него выходитъ юноша, красавица собой, который, въ наукахъ, мудрости, силѣ, ловкости не знаетъ себѣ соперниковъ.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ подвиговъ, совершенныхъ Бахрамомъ и Гаибомъ. Всѣ подвиги чисто въ духѣ востока. Герои и участвующія въ нихъ лица дѣйствуютъ строго въ народномъ персидскомъ духѣ.

„Ксса“ „Далла и Мухтаръ“ повѣствуетъ о хитростяхъ женщинъ: Далла въ теченіе всей своей жизни обманывала весь громадный

Багдадъ, опять таки Далла здѣсь чисто персидская—я стѣлая женщина. Ея хитрости—хитрости мусульманскихъ же щинъ. Женщина востока, постаралъ ни-я въ непосредственную зависимость отъ мужа, почти не пользуется свободой; круговоротъ ея умственной жизни очень узокъ: она ничего не видитъ въ жизни кромѣ своего харама (гарема). При такомъ положеніи, конечно, если европ.йская женщина можетъ свободно распоряжаться своей волей, мусульманская женщина должна хитрить, чтобы только выбраться изъ надѣвшаго ей „харама“.

И такъ съ малолѣтства видитъ она хитрости своихъ матерей, сестеръ, знакомыхъ, потомъ сама научается хитрить и затѣмъ ужъ свободно водить за носъ резниваго мужа...

Духомъ страстности дышатъ почти каждая „ксса“. Въ ней встрѣчаются такіе красавицы, отъ взгляда которыхъ разрушались дома жителей, солдцы, при своей блестящей красотѣ, стыдились взглянуть на нее; ни одинъ еще взглядъ міра не видалъ такихъ красавицъ, говорится въ „ксса“ „Далла Мухтаръ“. Особо широко распространено сравненіе персидскихъ красавицъ съ дискомъ солнца (монади нурса афтобъ). Отъ одного взгляда на такихъ красавицъ многіе сходили съ ума; тысячами уходили въ пустыню и дѣлались отшельниками; многіе бросали семью и всю жизнь просиживали предъ окнами такой красавицы, чтобы видѣть хоть одинъ чудный взоръ (Чоръ Дар ишъ, Тутинемъ). Читая эту поэзію, персѣ, сартѣ сильно воспаляется—его страстная восточная натура не знаетъ тогда границъ.

Въ „ксса“ я, ко обрисовываются народные обычаи, вѣрованія, суевѣрія. Здѣсь также подчмается

завѣса „харама“ и до тонкости описывается вся жизнь. Блгій персиде и юморъ не щадить здѣсь своихъ господъ: судей, военачальниковъ, министровъ и царей и мѣтко высмѣиваетъ ихъ. (Дузди Коза).

Религіозность въ „ксса“ на первомъ мѣстѣ. Всѣ дѣла плохія и хорошія начинаются съ имени Бога. Въ трудныхъ минутахъ всѣ гѣры и обращаются къ Богу, и Богъ никогда не оставляетъ обращающихся къ нему въ помощію.

„Ксса“ не лишена также и нравственнаго вывода. Въ „ксса“ „Далла и Мухтаръ“, Далла, послѣ хитростей которыми она проводила цѣлый Багдадъ, въ концѣ концовъ была посрамлена—ее побилъ камнями. Авторъ же этой книги, радуясь постигнутой гибели Даллы, говоритъ „плохой кончаетъ худымъ“. Въ „ксса“, „Се Дервишъ и Адиль Ханъ“ въ заключеніе говорится, что кто любитъ Бога, исполняетъ его заветы и заповѣди и никогда не ропщетъ на него,—тотъ наслаждается на землѣ и на небѣ; кто же дѣлаетъ наоборотъ, тотъ бываетъ несчастливъ и въ этомъ, и въ томъ мирахъ.

Фигурность выраженія накладываетъ особенный „восточный“ колоритъ на „ксса“. Въ ней попадаются такіе выраженія: „протянулъ руку милосердія“, „она камнемъ обиды хотя разбито зеркало его цѣлоудрія“, „одѣлся въ халатъ лицемѣрія“ и др. Слогъ, большей частью простой, народный; отдѣльная страничка прозы всегда поясняется поэтическими оборотами.

Въ „ксса“ также отражаются взгляды на честность вообще и нѣкоторую иронию на Коранъ—его толкуютъ такъ, какъ кому удобно.

Въ „ксса“ „Дузды и Коза“ (судья и воръ) умный, богобоязливый судья, приводившій ученіемъ и знаніемъ

Корана въ изумленіе весь огромный Багдадъ, былъ посрамленъ воромъ, который поймалъ судью ночью, когда тотъ отправился въ садъ, чтобы совершить намазъ (молитву). Воръ текстами изъ Корана и др. божественныхъ книгъ указалъ судѣ справедливость его дѣятельности, которая состояла въ ограбленіи у судьи всѣхъ одеждъ, денегъ и верхового осла. Все-таки, воръ, несмотря на свой умъ, хитрость и знаніе Корана, былъ посрамленъ женщиной, потому, что не зналъ слѣдующія слова: „Діаволъ хитро соблазняетъ людей, на въ ловкости по сравненію съ женщиной, онъ ничто иное, какъ подмастерье“.

Вотъ въ краткихъ чертахъ переводная и подражательная ей литература сартовъ.

Характеръ ея есть выразитель характера всего востока и служить достояніемъ не только персовъ, но и вообще восточныхъ народовъ.

Вотъ почему этотъ родъ литературы, имѣя одно происхожденіе съ востока, такъ привился между сартами и пользуется большимъ распространеніемъ между ними.

Къ введенію въ Туркестанскій край мѣстнаго земскаго самоуправленія.

При утвержденіи смѣты земскихъ повинностей въ трехъ восточныхъ областяхъ Туркестанскаго края и Степныхъ областей на 1908 и 1909 года, Государственной Думой была принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Признавая существующій порядокъ веденія земскаго хозяйства въ областяхъ Туркестанскаго и Степного генераль-губернаторствъ совершенно неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія обезпеченія мѣстныхъ нуждъ и находя

чемъ и послѣднимъ въ исламѣ живетъ не хуже, чѣмъ гдѣ либо.

Можно поставить относительно ислама два вопроса: 1) внесъ-ли что новаго исламъ въ сокровищницу человѣческой мысли, чувствъ, религиозныхъ интуицій? На это нужно отвѣтить: нѣтъ, не внесъ ничего цѣннаго. 2) Способна-ли эта религія къ дѣлнѣйшему развитію и распространенію? Исторія отвѣчаетъ намъ, что способна не менѣе всякой другої религіи. Она можетъ ассимилировать все цѣнное, что есть въ другихъ религіяхъ, и въ этомъ вѣрный залогъ ея развитія и прогресса.

«М.»

С. Поварнинъ.

Зрѣлый вопросъ русско-туземныхъ школъ.

Статья Гр. Андреева.

Ревизія русско-туземн. школъ и открытія новометодныхъ мектабовъ послужили поводомъ къ тому, что вопросъ о русско-туземн. школахъ, которымъ такъ мало интересовались прежде, сталъ часто затрагиваться въ мѣстныхъ органахъ печати.

Реформаторъ современнаго типа русско-туземныхъ школъ, С. М. Граменицкій, въ статьѣ своей: „Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанѣ“, а впоследствии въ отдѣльной брошюрѣ, далъ полное изложеніе историческаго развитія русско-туземныхъ школъ до настоящаго времени со всеми происходившими въ нихъ измѣненіями и улучшеніями, а о мусульманскихъ мектабахъ стараго типа и вновь открываемыхъ новометодныхъ, выразился принципомъ полного невмѣшательства, которое не-

уклонно велось инспекціей до сихъ поръ. Этимъ послѣднимъ заключеніемъ С. М. Граменицкій поставилъ вѣсскую фактическую оппозицію противоположн. взглядамъ бывшаго инспектора Уфимской губерніи г. Горякина, ревизовавшаго наши русско-туземныя и мусульманскія школы, и собравшаго богатый матеріалъ о вредныхъ тенденціяхъ послѣднихъ, которыя и желаетъ подчинить вѣдѣнію особаго инспектора. Свой интересный матеріалъ г. Горякинъ будетъ печатать въ январѣ на страницахъ „Туркестанскаго Курьера“.

Кромѣ того, г. Зуевъ въ „особенностяхъ русско-туземныхъ школъ“ привелъ отличія русскихъ школъ отъ туземныхъ. Говоря, вообще, о русско-туземныхъ школахъ, г. Зуевъ не упоминаетъ о провинціальныхъ и русско-киргизскихъ школахъ съ интернатами, характерныя отличія коихъ отъ школъ ст. Ташкента, наложили особенный колоритъ на системы преподаванія и воспитанія. Ошибочное же обобщеніе новаго метода всѣмъ мусульманскимъ классамъ тогда, какъ новый методъ введенъ только въ ташкентскихъ и лишь въ немногихъ руководствуются азбукой Саидъ-Расуля и христоматіей Калинина, а въ остальныхъ обученіе идетъ по старому — „книгамъ грамоты“ (саводъ китабъ), упущеніе свѣдѣній о вечернихъ курсахъ въ этихъ школахъ грамоты, полнѣйшее игнорированіе назрѣвшими нуждами школъ, — даетъ намъ право сказать, что г. Зуевъ имѣлъ въ своемъ очеркѣ только русско-туземныя школы ст. Ташкента, гдѣ въ одной изъ нихъ прослужилъ учителемъ 16 мѣся-

цевъ. Въ такомъ блѣдномъ по-
верхностномъ изложеніи статьи
г. Зуева строго судить нельзя,
такъ какъ онъ мало прослужилъ
учителемъ и притомъ, въ одной
школѣ и, вообще, плохо знакомъ
съ мусульманствомъ и нуждами
русско-туземныхъ школъ, тѣмъ
болѣе, кажется, что г. Зуевъ на-
стоящей статьёй лишь хотѣлъ
познакомить читателей, совер-
шенно неосвѣдомленныхъ съ „со-
бытностями“ русско-туземныхъ
школъ ст. Ташкента.

Недочеты нашихъ туземныхъ
школъ и ихъ назрѣвшія нужды,
широкое распространеніе старо-
и новометодныхъ мектабовъ, ихъ
вліяніе на киргизъ и „сарты-
ванье“ послѣднихъ, серьезная не-
обходимость скорѣе придти на
помощь образованію темной мас-
сы киргизъ, побудила меня ска-
зать нѣсколько словъ.

Въ настоящей статьѣ я буду
руководствоваться не только лич-
ными убѣжденіями, какъ русско-
туземнаго учителя, прослуживша-
го 4 года въ нѣсколькихъ шко-
лахъ ст. Ташкента и провинці-
альныхъ, кромѣ того, прошедшаго
мектабъ стараго типа и нѣкото-
рое время учившагося въ мадре-
сѣ, но и мнѣніями близкихъ род-
ственниковъ, считавшихъ свою
учительскую дѣятельность десят-
ками лѣтъ, товарищей, въ тѣс-
номъ знакомствѣ съ которыми,
въ перепискѣ и помощи мнѣ ма-
теріальными данными, я могъ со-
ставить безпристрастный взглядъ
на русско-туземную школу.]

Отношеніе сартовъ къ русско-
туземной школѣ можно видѣть
только изъ внутренняго ихъ скла-
да жизни.

Будучи народомъ, тѣсно заму-
равленнымъ въ рамки религіи, вы-

выражавшейся иногда въ остромъ
нетерпимомъ фанатизмѣ къ рус-
скимъ, сарты, несмотря на то,
что давно убѣдились въ непося-
гательствѣ русской школы, от-
крываемой для нихъ правитель-
ствомъ, но ихъ внутреннія убѣж-
денія, съ неохотой отдають въ
нее своихъ дѣтей. И если бы не
крайняя необходимость знанія
государственного русскаго языка
въ общеніи съ русскими и въ
главномъ занятіи сартовъ — тор-
говли, они бы совсѣмъ постара-
лись избѣгать ее. Какъ народъ
чрезвычайно практичный, сарты,
во всемъ послѣ религіи, посту-
пають согласно своимъ торго-
вымъ идеаламъ, почему и видятъ
въ русской школѣ учительницу
лишь того, что имъ нужно въ
торговыхъ дѣлахъ: писать теле-
граммы, адреса, счета, прошенія,
знать хорошо устный и письмен-
ный счетъ, и разговорный языкъ.
Научить этому несложному ис-
кусству своего сына, сартъ
рѣшится только тогда, ког-
да убѣдится, что сынъ его со-
всѣмъ отбился отъ рукъ — плохо
учится въ мектабѣ и не хорошо
ведетъ себя дома, — вотъ тогда,
сартъ отдастъ его въ русско-ту-
земную школу. Избавившись, та-
кимъ образомъ, отъ надоевшаго
ему дѣтища, отецъ мало обра-
щаетъ вниманія на его ученіе.
Такое безразличное отношеніе
родителей къ школѣ и самый кон-
тингентъ учащихся — неспособ-
ныхъ, малоразвитыхъ и, подчасъ,
совершенно нравственно испор-
ченныхъ, безусловно не можетъ
не отразиться на ходѣ занятій въ
школѣ. Дѣти, видя безразличіе
своихъ родителей, массами про-
пускають уроки и буквально ни-
чего не дѣлають дома. Проучивъ

такъ годъ или два, отецъ ученика, какъ только представится ему удобный случай пристроить мальчика или посадить въ лавку, беретъ его изъ школы. При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя возможны въ теченіе двухъ лѣтъ при двухчасовомъ занятіи съ русскимъ учителемъ, причемъ часъ тратится на письменныя работы, часъ на устные упражненія въ русскомъ языкѣ и счетѣ, при каникулахъ, православныхъ и мусульманскихъ праздникахъ, массовыхъ пропускахъ занятій, — ученикъ еле-еле бредетъ по пройденнымъ урокамъ и изучается лишь немногими русскими словамъ. Все это безслѣдно исчезаетъ потомъ въ жизни, если мальчикъ не будетъ имѣть частаго общенія съ русскими.

Можно только поражаться, при осмотрѣ класснаго журнала школы, видя, какъ много перебиваетъ въ году учащихся въ первомъ отдѣленіи, а къ концу учебнаго курса составъ учащихся мѣняется нѣсколько разъ. Часто случается, что учитель, замѣтя особеннаго мальчика, обращаетъ на него особенное вниманіе и какъ только при стараніи учителя, онъ начнетъ оказывать хорошіе успѣхи, является отецъ его и изъ-пустой причины беретъ сына изъ школы. Чуть ли не со слезами отдаетъ учитель такого ученика, который, опять возвращаясь въ родную среду, позабудетъ то, что далъ ему учитель съ большимъ трудомъ. Конечно, такой напрасный, безцѣльный трудъ не можетъ не подѣйствовать на продуктивную работоспособность учителя, тѣмъ болѣе, что такихъ фактовъ въ году насчитывается не одинъ.

Кончившіе курсъ русско-туземныхъ училищъ, въ среднемъ которыхъ на школу стар. Ташкента падаетъ 4—5 учениковъ въ годъ, немного изучаются счету, письму и разговору. Также при не сообщеніи съ русскими и отсутствіи практики въ разговорномъ языкѣ, у такого юноши, подъ конецъ, остаются жидкіе обрывки знанія русскаго языка. Лишь за весьма рѣдкими исключеніями, получившіе свидѣтельство объ окончаніи русско-туземной школы, полавъ въ среду русскихъ при помощи практики въ разговорѣ, поступаютъ въ переводчики, приказчики или утилизируютъ знанія русскаго языка въ торговыхъ операціяхъ съ русскими.

Основанное въ 1905 г., въ помощь русско-туземнымъ школамъ, ташкентское 2-хъ классное русско-туземное училище съ шестилѣтнимъ курсомъ при порядочной постановкѣ дѣла, сейчасъ переполнено въ младшихъ классахъ, но въ старшихъ ощущается большой недостатокъ учащихся. Выпускаютъ не болѣе 6—7 учениковъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ поступаютъ въ городскія училища, но влѣдствіе формы одежды, а также руководствуясь главнымъ образомъ, торговыми дѣлами, при удобномъ случаѣ выбываютъ изъ училища не доходя до старшихъ классовъ.

Въ провинціяхъ, гдѣ школы значительно слабѣе, такъ какъ удалены отъ центра, влѣдствіе невежества жителей кишлаковъ, а также не четырехлѣтняго курса, какъ въ школахъ Ташкента, а трехлѣтняго, выпусковъ иногда не бываетъ по

цѣлымъ годамъ и не болѣе 1 — 2 учениковъ. Знаній, конечно, вы-
носятся и того меньше. Во мно-
гихъ кишлакахъ, гдѣ населеніе
всегда болѣе фанатичнѣе и не-
терпимѣе къ русскимъ, мектабы
создаютъ большую конкуренцію
русско-туземнымъ школамъ. Это
можно видѣть изъ исторіи мер-
кенской русско-туземной школы.
Въ Меркѣ, гдѣ мектабовъ до 8
въ нихъ, среднимъ числомъ,
учится до 400 дѣтей, издавна су-
ществуетъ русско-туземная школа,
насчитывающая до 20 учащихся,
треть которыхъ составляютъ близко
живущіе къ кишлаку киргизы.
Игнорированіе населеніемъ рус-
ской школы, вывело изъ терпѣ-
нія много лѣтъ служившаго здѣсь
учителя, и онъ перевелся въ дру-
гую школу. На его мѣсто попалъ
молодой, энергичный учитель,
близко знакомый съ мусульман-
ствомъ, который не только рев-
ностно относился къ нуждамъ
школы, но даже самъ всегда про-
силъ сартовъ отдавать своихъ
дѣтей учиться, приглашалъ роди-
телей ихъ присутствовать на за-
нятіяхъ, старался показать имъ
всю пользу русскаго обученія, и
при неаккуратномъ посѣщеніи
учениками школы, самъ рано ут-
ромъ собиралъ ихъ. Результаты
школы за годъ, сами сарты не
могли не оцѣнить. Но это не при-
бавило учениковъ русскому учи-
телю. На другой годъ, когда при-
былъ въ Меркѣ одинъ ученый
кашгарскій сартъ, открывшій здѣсь
мектабъ и убѣдившій родителей,
учившихъ своихъ дѣтей въ рус-
ско-туземной школѣ, отдать ихъ
ему, а не „кафиру“, въ школу
остались только ученики-киргизы.
По поводу этого прискорбнаго

факта послѣдовало объясненіе
учителя съ населеніемъ, которому
онъ заявилъ, что цѣнить только
пользу школы и, если, почему-ли-
бо онъ не нравится населенію и
тѣмъ служить пріятельствомъ къ
убыли учащихся, то, не желая
этимъ нанести ущербъ школѣ,
онъ лучше уйдетъ изъ нея. На
это населеніе кишлака уклончиво
высказалось, что учителемъ они
довольны, но хорошо было бы
если бы онъ меньше обращалъ
вниманія на свою школу... Учи-
тель не довольствовался этимъ.
Нѣсколько разъ говорилъ онъ съ
кашгарскимъ муллою, стараясь
общимъ соглашеніемъ покон-
чить это дѣло, но когда убѣдился,
что переговоры эти не приведутъ
ни къ чему, то долженъ былъ об-
ратиться къ помощи администра-
ціи, такъ какъ у его конкурента
не только не было свидѣтельство
на открытіе мектаба, но и вида
на жительство. Населеніе приняло
сторону мусульманина, и между
нимъ и учителемъ произошли на-
столько крупныя недоразумѣнія,
что дѣло дошло до суда...

Учитель перевелся. Вмѣсто не-
го назначенъ молодой учитель,
довольствующійся тѣми ученика-
ми, которые привелъ съ собой,
новоизбранный его предшествен-
никомъ, туземный учитель, со-
державшій мектабъ въ количествѣ
20 дѣтей. Но стоило только ту-
земному „домуллѣ“, чѣмъ-то не-
довольному, самовольно уйти
изъ школы, какъ и всѣ его уче-
ники потянулись за нимъ и школа
осталась безъ одного ученика.
Лишь при урегулированіи мате-
ріальныхъ нуждъ „домуллы“ съ
трудомъ вернули его въ школу
вмѣстѣ съ учениками.

А вотъ, что сказала въ бесѣдѣ

съ покойнымъ Н. А. Воскресенскимъ одинъ русско-туземный учитель, много лѣтъ прослужившій въ кишлакѣ; „дѣтей за годъ перебываетъ въ первомъ отдѣленіи до 30, а кончаютъ курсъ въ нѣсколько лѣтъ 2—3 человека. Велѣдствіе пропуска уроковъ, ничего недѣланія дома, а въ школѣ дѣленія курса на двое, мальчикъ слишкомъ мало чему научается и его счастье, если онъ будетъ жити между русскими, иначе все приобретенное скоро позабудется“. И съ грустью добавилъ въ концѣ „если бы не мое личное убѣжденіе, что въ громадномъ кишлакѣ гдѣ нѣтъ никого изъ русскихъ необходимо намъ представителю а моя небольшая услуга учительствомъ, надѣюсь, послужить, впоследствии, нѣкоторымъ основаніемъ для будущаго,—я бросилъ бы учительство“.

Ревизовавшій русско-туземныя школы, г. Горякинъ, въ бесѣдѣ со мной, высказалъ, что ученики слишкомъ мало развиты.

На ряду съ русско-туземными школами возникаетъ сейчасъ новометодный мектабъ съ обученіемъ грамотѣ, элементарному курсу наукъ и гражданственности на сарговекомъ языкѣ. Особенно обращено вниманіе на развитіе національнаго чувства. Така школа, инициаторамъ которой были татары, въ короткое время сыскала себѣ симпатіи населенія, и въ одномъ Кокандѣ сейчасъ такихъ школъ открылось до 20 съ платою отъ 1 до 5 руб. Учащихся въ каждой школѣ не менѣе 100 человекъ; между тѣмъ, какъ циркулирующая здѣсь русско-туземная школа насчитываетъ у себя, въ среднемъ, до 30

дѣтей. Если же учителя новометодныхъ школъ введутъ въ курсъ обученія русскій языкъ, что, навѣрное, скоро и последуетъ, то можно сказать, что судьба нашихъ школъ будетъ очень печально, особенно въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, гдѣ школы поставлены очень плохо — сплошь и рядомъ назначаютъ русско-туземными учителями окончившихъ городскія училища, а атисульманское образованіе, нао муотъ, очень хорошо. Это обстоятельство обратило особенное вниманіе г. Горякина.

Будучи вполне солидарны съ принципомъ С. М. Граменицкаго — полного невмѣшательства въ дѣла мусульманскихъ школъ *), такъ

какъ тѣмъ самимъ инспекція подорвала бы престижъ русско-туземной школы и лишь оттолкнула бы населеніе отъ нихъ; необходимо настоящую русско-туземную школу поставить настолько хорошо, чтобы она своей рациональной постановкой дѣла и пользой, приносимой населенію, не только снискала бы любовь и довѣріе, а стала бы твердымъ оплотомъ государственности и гражданственности, и чтобы, въ концѣ концовъ, новометодныя мактабы сами обратились бы къ ея помощи.

А для этого, необходимо обратить особенное вниманіе на внутреннюю организацію русско-туземныхъ школъ. Вѣдь если отнять изъ общаго числа учебныхъ

*) Административный надзоръ за новометодными мактабами, какъ и пишетъ С. М.

Граменицкій, конечно, необходимъ. Въ рѣдкихъ мектабахъ стараго и новаго типа учителя знаютъ, какъ зовутъ Государя Императора, въ какомъ отечествѣ онъ живетъ и проч.

дней 4-лѣтняго курса ежедневныя двухчасовыя занятія съ туземнымъ учителемъ, то получится не 4, а 2 года русскихъ; вычтя изъ нихъ каникулы, православныя и мусульманскіе праздники съ многочисленными пропусками уроковъ, едва ли останется годъ для обученія русскому языку, письму и счету при сферѣ, въ которой живетъ ученикъ-сартъ. И если русскіе учителя жалуются на 3-лѣтній курсъ, послѣ котораго ученикъ скоро забываетъ прибрѣтенныя знанія и даже разучивается читать, то что можетъ сказать русско-туземный учитель при годовой системѣ обученія. При такомъ положеніи дѣла и результаты русско-туземныхъ школъ не такъ малы, особенно въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ, благодаря только заботамъ С. М. Граменицкаго, дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Туркестана.

По словамъ г. Горякина, въ Россіи, въ русско-туземныхъ школахъ, на мусульманскіе уроки полагается только одинъ часъ въ день. У насъ, въ Туркестанѣ, гдѣ ученикъ почти всегда поступаетъ со знаніями туземной грамоты, ему, все-таки, удѣляется ежедневно половина времени на мусульманскіе уроки. Если въ младшихъ отдѣленіяхъ отдавать мусульманству 1 или 1½ часа (что будетъ вполне достаточно), а въ старшемъ (четвертомъ) совсѣмъ прекратить отсылать учениковъ въ мусульманскій классъ, учитель, тѣмъ самымъ, почти вдвойнѣ удлинитъ курсъ русскаго языка. Прибавивъ еще одинъ годъ обученія, замѣнивъ въ городахъ 4-лѣтній — 5-лѣтнимъ и трехлѣтній — 4-лѣтнимъ въ кишлакахъ, при непосѣщеніи учениками старшихъ

отдѣленій туземнаго класса, тѣмъ болѣе, что этимъ не нанесется никакого ущерба мусульманскому обученію (читать и писать по-сартовски ученикъ всегда можетъ научиться въ теченіе 2—3 лѣтъ), получится довольно времени для прибрѣтенія знаній русск. языка. Также необходимо родителямъ поступающихъ дѣтей поставить какой-нибудь ультиматумъ: посылать своихъ дѣтей аккуратно въ школу и не брать ихъ до окончанія полнаго курса. Только крайняя нужда могла бы побудить родителей взять ученика изъ школы, предварительно объяснившись съ учителемъ. Разъ сарты нуждаются въ услугахъ русской школы, то они и согласятся на это, тѣмъ болѣе, что все это дѣлается лишь для ихъ пользы. Этимъ бы не только урегулировались занятія въ школѣ, но и основалась бы первая ступень къ обязательному обученію сартовъ.

Проектированныя городскія училища для сартовъ, въ младшихъ отдѣленіяхъ которыхъ, на ряду съ русскимъ, будетъ мусульманское обученіе, а въ старшихъ лишь русское, — значительно улучшитъ образованіе сартовъ.

При обращеніи большого вниманія на мусульманскій курсъ по новому методу, потребуется составленіе элементарныхъ учебниковъ на сартовскомъ языкѣ по ариѳметикѣ, географіи, краткой русской и сартовской исторіи и друг. наукамъ. Систематическое прохожденіе такого курса на сартовскомъ языкѣ при посредствѣ составленныхъ учебниковъ, настолько подвинетъ развитіе дѣтей, что много облегчитъ дальнѣйшее ученіе ихъ въ русскомъ

классѣ. При такой постановкѣ мусульманскаго класса, въ послѣдствіи само собой произойдетъ совершенное отпаденіе его отъ русскаго въ отдѣльную новометодную мусульманскую школу при русскомъ училищѣ. Здѣсь могли бы учиться дѣти туземцевъ отъ восьмилѣтняго возраста и проходить программу обученія на своемъ родномъ языкѣ, и съ окончаніемъ поступать въ находящееся

при ней русское училище. Такимъ образомъ, русское училище освободится отъ лишняго балласта—мусульманскаго класса, отнимающаго у него время, и приобрѣтетъ въ кончающихся новометодную школу хорошо развитыхъ учениковъ, что и значительно облегчитъ дальнѣйшее ихъ образованіе. Въ такіе новометодные мактабы можно назначать сартовъ, скончившихъ курсъ въ открытыхъ для нихъ городскихъ училищахъ и пробывшихъ продолжительное время практикантами при новометодной школѣ. Сами же новометодныя школы при русскихъ училищахъ послужатъ прототипомъ для будущихъ реформъ мактабовъ стараго образца!

Кончившіе курсъ такихъ школъ не могутъ сразу быть переводчиками при канцеляріяхъ приставовъ и др. низшихъ учрежденіяхъ, такъ какъ плохо говорятъ по русски, и родители ихъ, прекрасно понимая нужды своихъ дѣтей, оставляютъ ихъ еще учиться на годъ. Черезъ годъ вполне годные въ переводчики и др. должности, киргизскіе юноши, вслѣдствіе малаго количества свободныхъ и еще меньшаго числа незанятыхъ вакансій при городскихъ училищахъ, не имѣя воз-

можности примѣнять свои знанія на практикѣ, забываютъ то, что съ трудомъ получили въ школѣ. Прекрасно сознавая это, администрація доставила возможность имъ поступать въ писаря къ аульнымъ старшинамъ. Но такъ какъ писарямъ при аульныхъ старшинахъ почти всегда приходится употреблять лишь киргизскій языкъ, то знаніе русскаго языка, безъ упражненія въ немъ, опять—таки скоро испаряется. Вообще же администрація—пристава вполне освѣдомлены въ затрудненіяхъ примѣнить въ жизни знанія учениковъ русско-киргизскихъ школъ. Нерѣдко при канцеляріяхъ приставовъ занимаются нѣсколько такихъ юношей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ какого-нибудь вакантнаго мѣста.

При такомъ положеніи дѣла учителя русско-киргизск. школъ давно поднимали вопросъ объ основаніи городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, а на первое время—хотя расширить настоящіе интернаты при городскихъ училищахъ. Съ открытіемъ городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, наступитъ новая эра инородческаго образованія. Это настолько бу-

детъ крупный шагъ въ прогрессѣ образованія киргизъ, что лишь будущее въ состояніи будетъ оценить всѣ заслуги этого великаго дѣла.

Если въ каждомъ уѣздномъ городѣ открыть городское училище съ интернатомъ для киргизскихъ мальчиковъ на 50 человѣкъ (въ слѣдствіи интернатъ можно расширить) и принимать въ него кончившихъ курсъ русско-киргизскихъ школъ, то представится возможность имъ продолжать учить-

ся дальше и не искать каких-нибудь мѣстъ писаря. Въ такомъ училищѣ безусловно не должно имѣть мѣста мусульманское обученіе, какъ и въ существующихъ издавна интернатахъ при городскихъ училищахъ. Для практики въ русскомъ языкѣ необходимо принимать русскихъ мальчиковъ.

Главнымъ же образомъ, должно быть обращено вниманіе на воспитаніе учениковъ. Замѣчается, что пріобрѣтенныя киргизами знанія русскаго языка и письменности служатъ только средствомъ для эксплуатаціи своихъ же собратьевъ подъ видомъ „закунчи“ (законовѣда), „арзачи“ (писателя прошеній), „тильмача“ (переводчика) и друг. Далѣе они научаются веѣмъ русскимъ порокамъ. Это не только стало фактомъ для населенія, заставляющимъ его коситься на это, но и для администраціи, почти не принимающей туземцевъ на отвѣтственные мѣста переводчиковъ и др. Вотъ почему здѣсь, при образованіи киргизъ, необходимо и воспитаніе его, иначе только получится безнравственный паразитъ и эксплуататоръ своего же народа.

Кромѣ городскихъ училищъ, нужныхъ для киргизъ, сами русско-туземныя школы требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ обыкновенно находятся русско-киргизскія школы, давно проектируется учителями пріемъ, поощряемый даже инспекціей: принимать русскихъ мальчиковъ въ свою школу для совмѣстнаго обученія съ киргизскими учениками. При этомъ практичномъ способѣ замѣчается быстрое усвоеніе киргизами русскаго языка. Но лучше

было бы, если въ каждую русско-киргизскую школу принимать 2—3 русскихъ мальчика (въ селѣ всегда найдутся нѣсколько такихъ, съ охотою согласившихся учиться въ интернатѣ), которые много помогутъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка. И если интернаты лишатся 2—3 свободныхъ мѣстъ, за то пріобрѣтутъ значительныя улучшенія въ языкѣ.

Недостаточенъ также [3—4-лѣтній курсъ обученія, тѣмъ болѣе, что ученики сами это сознаютъ и остаются еще на одинъ или два года. Мусульманская грамота вполне успѣшно можетъ проходить вечеромъ, подъ руководствомъ своего вѣроучителя. Этимъ учитель выиграетъ время вдвойнѣ и результаты будутъ вполне хороши.

Крупная ошибка русско-киргизскихъ школъ состоитъ еще въ томъ, что киргизскіе мальчики учатся мусульманской грамотѣ по сартовскимъ книгамъ — азбукѣ Сеидъ Расуля и христоматіи Калинина. Такимъ образомъ, мы сами идемъ на встрѣчу сартамъ и играемъ имъ въ руку по ассимилированію киргизъ. Между тѣмъ киргизскій и сартовскій языки принадлежатъ, вообще, къ разряду тюркскихъ, настолько различны, какъ одного славянскаго корня — русскій и болгарскій.

Вотъ почему, крайне необходимо перевести учебники — азбуку и христоматію на киргизскій языкъ, чтобы въ русско-киргизской школѣ духу не было сартовскаго. При переводѣ учебниковъ, конечно, не примѣнима русская транскрипція — пойдеть арабскій алфавитъ.

Въ настоящее время наблюдается особенное массовое „осар-

тиванье" киргизъ, близко живущихъ къ кишлакамъ. Получается особый типъ „чалаказакъ“ (смѣсь сарта съ киргизомъ). Такой типъ уже съ фанатизмомъ сарта и въ большинствѣ случаевъ, съ большимъ, является, зачастую, кулакомъ населенія и ревностнымъ ненавистникомъ русско-туземной школы.

„Чалаказакъ“ по большей части пользуется нелюбовью самихъ киргизъ, какъ отступникъ отъ киргизской старины, а за свою безсовѣстную пронырливость и кулачество ненавистенъ населенію.

Въ ассимилированіи киргизъ сильно вліяютъ сартовскія книги и школы, поучившись въ которыхъ киргизъ выходитъ съ запасомъ сартовской закваски.

Вотъ почему, пока еще сарты мало забрали духовно несчастныхъ киргизъ, намъ необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ образованіе и открывать для нихъ не только русско-туземныя школы, но и городскія училища. Этимъ мы добьемся, что киргизы, какъ все, такъ и русское образованіе будутъ получать, исключительно, лишь у насъ. Дѣло это облегчается еще тѣмъ, что сами киргизы изутъ настрѣчу своимъ нуждамъ, неся трудовыя копейки на открытія школъ для своихъ дѣтей. Но здѣсь замѣчается крайне безпечное отношеніе къ этому. И вотъ уже сколько лѣтъ, какъ „гуляютъ чимкентскія денежки“, собранныя киргизами на школы. На нихъ давно можно было бы открыть городское училище, и хорошіе результаты такой школы, разохотило бы населеніе для созданія ему подобныхъ. Теперь же, наоборотъ, слышно, что населеніе поговариваетъ о возвращеніи де-

негъ, собранныхъ ими на проектированныя чимкентскія школы... Нельзя не удивляться несчастной канцелярской волокитѣ въ дѣлѣ образованія киргизы! А сарты все продолжаютъ работать на счетъ ассимилированія...

Нѣтъ, какъ можно болѣе школъ, городскихъ школъ нужно способнымъ киргизамъ—единственному аборигену Туркестана, сочувственно относящемуся къ попеченіямъ правительства о его умственныхъ нуждахъ!

Говоря вообще о русско-туземныхъ школахъ, нельзя не упомянуть и объ ихъ учителяхъ.

Учителя русско-туземн. школъ получаютъ образованіе въ туркестанской учительской семинаріи, гдѣ настолько порядочно проходятъ программу курса, что дальнейшая ихъ учительская дѣятельность почти не прибавляетъ имъ теоритическихъ знаній по школѣ. Лишь практика обученія и самая жизнь дополняютъ ихъ специальность. Вліяніе руководящаго начала инспектора, особ. я литература для русско-туземн. школъ и съѣзды не играютъ никакой роли въ жизни учителя, такъ какъ ихъ нѣтъ... Вотъ почему, учитель всегда глубоко цѣнитъ и помнитъ семинарію.

Съ назрѣвшими нуждами школъ необходимы, конечно, и вполне освѣдомленные учителя не только въ знаніи сартовскаго языка, но и, вообще, въ мусульмановѣдѣніи, а въ частности — въ знакомствѣ съ умственными нуждами и задачами сартовъ и киргизъ, также съ ихъ бытомъ, нравами и обычаями.

Конечно, недавнее расширеніе семинарской программы, введеніе гигиены въ курсъ обученія хотя и похвальны, но изученіе мусульма-

новѣдѣнія и сартовской, и киргизской жизни, безъ предвзятыхъ цѣлей (какъ необходимое пособіе въ жизни русско-туземныхъ учителей), также необходимо, тѣмъ болѣе, что это легко выполнимо такъ какъ во главѣ семинаріи стоитъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туркестана. А изъ отдѣльныхъ кусочковъ востоконѣдѣнія, которые даютъ воспитанникамъ семинаріи преподаватели сартовскаго и персидскаго языковъ, лишь можно вынести совершенно превратныя познанія о бытѣ инородцевъ.

Нельзя также не обратить вниманія на практическіе уроки сартовскаго языка, даваемые сартомъ-практикантомъ. Мало, вѣдь, быть сартомъ, чтобы учить по-сартовски—нужно знать и методику преподаванія, и, къ сожалѣнію, изъ столь важнаго предмета получается мало толка: практикантъ не зная ни слова по-русски, сейчасъ прекрасно говоритъ на этомъ языкѣ, а семинаристы еле-еле лепечутъ по-сартовски.

Въ четвертомъ классѣ, когда способности и наклонности воспитанниковъ вполне опредѣляются, можно впередъ предназначать однихъ въ русскія, другихъ въ русско-туземныя школы, обративъ на послѣднихъ особенное вниманіе, чтобы въ русско-туземныя школы они входили во всеоружіи нужныхъ здѣсь свѣдѣній.

Вообще же нельзя не пожелать воспитанникамъ семинаріи побольше реальности и энергіи, а не идеальности, съ которой, на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни, они получаютъ чувствительные удары самолюбію во времена назначеній...

Итакъ, съ знаніями, которыя

получаетъ воспитанникъ семинаріи, онъ вступаетъ въ жизнь—школу. Одни изъ учителей увеличиваютъ полученныя свѣдѣнія, въ тѣсномъ общеніи съ населеніемъ и нуждами школы; другіе, совершенно изолируя себя отъ народа, довольствуются тѣмъ, что дала имъ семинарія и опытъ жизни, третьи, не интересуясь, вообще, школьнымъ дѣломъ и позабывъ, что ими пріобрѣтено въ семинаріи, исполняютъ свои обязанности русско-туземнаго учителя такъ, какъ Богъ на душу положить...

Въ каждомъ русско-туземномъ училищѣ, кромѣ русскаго учителя, обучающаго дѣтей только русскому языку, грамотѣ и счету, есть еще туземный учитель-мусульманинъ, обязанности котораго заключаются не только въ томъ, чтобы научить дѣтей своихъ собратьевъ мусульманской грамотѣ, но и главное — руководить нравственнымъ воспитаніемъ учащихся и, по мѣрѣ возможности, сближать дѣтей съ русскими и внушать имъ, что русскіе кромѣ добра имъ ничего не желаютъ, и что знаніе, получаемое ими въ русско-туземной школѣ, не только полезно для нихъ, но и въ немъ нѣтъ ничего предвзвѣсительнаго для мусульманъ. Такимъ образомъ, туземный учитель является главнымъ посредникомъ сближенія между русскимъ учителемъ и туземцами-учениками. И горе, когда самъ туземный учитель зараженъ ярмы фанатизмомъ...

Современные туземные учителя-киргизы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ русско-киргизскихъ школъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ получили свое образованіе у сартовъ. Съ открытіемъ город-

скихъ училищъ для сартовъ и киргизъ, само собой устранится надобность брать туземныхъ учителей со стороны. Въ кончающихъ такіа школы, мы получимъ нужныхъ намъ туземныхъ учителей, соответствующихъ задачамъ нашихъ школъ.

Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на матеріальное обезпеченіе туземнаго учителя. Работая наравнѣ съ русскимъ учителемъ, а подчасъ и больше, онъ получаетъ, въ среднемъ, 15 рублей въ мѣсяцъ. При такомъ положеніи дѣла даже сторожъ при школѣ является лучше обезпеченнымъ, чѣмъ „домулла“, получая, на всемъ готовомъ, 12 руб. въ мѣс...

Говоря вообще о русско-туземныхъ учителяхъ, самъ собой является вопросъ: пользуются ли учителя симпатіями и престижемъ туземнаго населенія? На это олять-таки можно отвѣтить лишь обратившись къ внутреннимъ убѣжденіямъ сартовскаго народа. Считаая русскаго ниже себя, сартъ уважаетъ (бсится) только того изъ русскихъ, кто имѣетъ какую-нибудь власть. Предъ властью сартъ и лебезить, и льститъ, и на все согласенъ, хотя въ душѣ и проклиняетъ ее. Такъ какъ учитель не имѣетъ никакой власти, то сарты относятся къ нему съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Часто случается, что учитель, имѣя нѣсколько лѣтъ близкихъ сосѣдей, сартовъ, не говоритъ съ ними ни слова. Правда, нѣкоторые учителя, знающіе хорошо мусульманство, вызываютъ со стороны населенія удивленіе, но оно сводится не къ уваженію учителя, а къ порицанію: „знаетъ хорошо мусульманство, а до сихъ поръ русскій“...

При такомъ положеніи дѣла учителя сами должны придти себѣ на помощь посредствомъ сѣздовъ. Они необходимы имъ такъ, какъ нужны русско-туземныя школы инородцамъ Туркестана. На сѣздахъ, собравшись со всѣхъ концовъ Туркестана, русско-туземные учителя обсудятъ назрѣвшія нужды школы и выяснятъ дальнѣйшія задачи ся, пересмотрятъ руководство и, вообще, рѣшатъ все, въ чемъ они затрудняются, въ чемъ задумываются. Лишь сѣзды учителей, знающихъ и понимающихъ свое дѣло, могутъ правильно урегулировать внутреннюю организацію школы.

Вотъ почему, въ настоящей статьѣ я не сказалъ о матеріальномъ обезпеченіи русскаго учителя и, только слегка, коснулся преобразованій школы, метода преподаванія и руководства—это дѣло сѣздовъ. При правильной организаціи сѣздовъ, это само собой выяснится.

Сейчасъ, по всей Россіи устраиваются сѣзды: генераль-губерна-

торовъ, городскихъ головъ, воспитателей кадетскихъ корпусовъ и др., а у насъ—приставовъ, арыксакаловъ и проч., но и нужны сѣзды русско-туземныхъ учителей, назрѣвшія нужды школъ, которыя требуютъ скорѣйшаго урегулированія ихъ, сообщая, всѣмъ.

Будучи же въ нѣкоторомъ родѣ представителемъ русской власти и носителемъ не только культуры, но и государственнаго престижа, русско-туземные учителя давно имѣютъ право на сѣзды. Приставскіе же сѣзды, гдѣ они, иногда, обсуждаютъ, кромѣ своихъ дѣлъ и русско-туземныя, конечно, не могутъ намъ принести много

пользы, такъ какъ мало знакомы съ нуждами школь.

На съѣзды у учителей найдется много времени—каникулы, православныя и мусульманскіе праздники. Можно даже два раза въ году устраивать съѣзды: мѣстные и вестуркестанскіе. Съѣзды, при полномъ сборѣ русскихъ и туземныхъ учителей, настолько опредѣлятъ нужды и задачи нашихъ школь, что потребуется особый инспекторъ русско-туземныхъ школь, въ чемъ и наблюдается крайняя необходимость, такъ какъ особенности нужды и задачи русско-туземныхъ школь діаметрально противоположны русскимъ.

Полагаемъ, что вопросъ о съѣздахъ, каждый изъ русско-туземныхъ учителей давно признавалъ цѣлесообразнымъ и крайне необходимымъ, и на наше заявленіе откликнулся со всѣхъ концовъ широкаго Туркестана.

Учительскіе съѣзды, своей продуктивной работой, навѣрное, вызовутъ и съѣзды инспекторовъ, также крайне необходимыхъ.

Вотъ, тогда, при помощи съѣздовъ, ясно выработавшихъ дальнѣйшія задачи русско-туземныхъ школь и необходимыхъ въ нихъ назрѣвшихъ реформъ, при неуклонномъ надзорѣ и руководствѣ полнѣ освѣдомленныхъ, опытныхъ инспекторовъ и горячей, плодотворной работѣ учителей, возможно создать тотъ типъ школь, о которыхъ писалъ первый устроитель Туркестана, генеральный Кауфманъ.

Саранчевыя комитеты въ Ферганѣ.

Статья графа Толбукина.

Саранча въ Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областяхъ какое-то неминуемое бѣдствіе не поддающееся никакимъ усиленіямъ человѣка къ ея истребленію. Специалисты разныхъ вѣдомствъ спорятъ между собой о преимуществахъ тѣхъ или иныхъ мѣръ борьбы съ нею. Распорядительная власть передается отъ одного вѣдомства другому, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ. а это маленькое насѣкомое, какъ будто, издѣвается надъ геніемъ человѣка и, погибая массой въ ежегодной войнѣ съ людьми, оставляетъ послѣ себя такое обширное потомство, которое требуетъ напряженія опять такого же, если еще не большее, силъ къ противодействию ея хищническихъ инстинктовъ.

Большая полемика въ мѣстной печати возникла по этому вопросу между г. Женжуристомъ и г. Понятовскимъ: одинъ доказываетъ цѣлесообразность страхованія посѣвовъ отъ саранчи, и съ этимъ нельзя не согласиться. Другой настаиваетъ на необходимости усиленной борьбы по истребленію саранчи, и это также не подлежитъ отрицанію. Одно другому не мѣшаетъ, а, наоборотъ, помогаетъ. т. к. сумма страховыхъ платежей освободила бы земскую кассу отъ необходимости ежегоднаго ассигнованія громадныхъ суммъ на эту борьбу и всѣ расходы покрывались бы изъ приходовъ той же саранчевой кассы. Но главный вопросъ заключается не въ томъ, на сумму какого кредита вести

не бу уть никогда искать другой службы, дорожа всегда своим положеніемъ. Здѣсь же не могу не доавить еще, что при мѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ жизни и быта туземцевъ, съ которыми при вѣсѣ иногда желанія не можетъ, однако, сродниться, человекъ русскій, болѣе или менѣе культурный, необходимо въ этихъ видахъ выработать что либо, чтобы обезпечить арыкъ аксакаламъ жилое помѣщеніе. Нѣтъ с мнѣнія, что для пользы того же дѣла, важно, чтобы арык-аксакалы постоянное мѣстопробываніе свое имѣли бы въ центрѣ своей ирригаціонной системы, тогда какъ именно при этихъ условіяхъ, они лишены этой возможности, почему многіе, въ особенности семейные, вынуждены жить въ городахъ. На нашъ взглядъ этотъ вопросъ можетъ быть упрощенъ постройкою на общественный счетъ или изъ земскихъ суммъ русскихъ помѣщій, въ особенности на крупныхъ системахъ.

К. В.

Общественная благотворительность у туземцевъ.

Статья Г. Андреева.

Общественная благотворительность между туземцами совершенно не развита. Приюты для сиротъ, богадѣльни, безплатныя столовые, библіотеки, читальни и др. благотворительные дома из стери не родились у нихъ. Между тѣмъ всѣ капитальныя медресе, мактабы, мечети, кладбища, коры-ханы, (зданія, гдѣ помѣщаются духовныя лица—коры, которые прсчитываютъ Коранъ наизусть) каландаръ и дарвишъ-

ханы, все это создается и содержится на частныя пожертвованія богатыхъ сартовъ; содержаніе духовныхъ лицъ и учителей все лежитъ на обязанностяхъ народа. Вотъ и теперь въ Кукчинской части махалле „Ч-кичмонъ“ строится богатый сартомъ Тохта Алимдусановымъ капитальная медреса, при которой назначается и приличный вакуфъ.

Объясняется это тѣмъ, что сарты очень религіозны и ничего не жалѣютъ въ дѣлахъ религіи.

Благотворительности же сарты отдаютъ, согласно шаріату, $\frac{1}{40}$ часть изъ всего благопріобрѣтеннаго имущества — „закать“ въ пользу бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, которымъ и раздаютъ деньгами или натурой—хлѣбомъ, мясомъ, чаемъ, сахаромъ, одеждой, лѣсомъ и др.

Устраиваются также часто „Худой“—общественные обѣды, на которые собирается самый бѣдный классъ населенія.

Къ чести сартовъ нужно сказать, что они не оставляютъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ и всечески помогаютъ имъ; оставшихся же сиротъ принимаютъ къ себѣ на воспитаніе.

Честолюбіе въ дѣлахъ благотворительности также играетъ немаловажную роль: скупой на свои нужды и на помощь къ другимъ, сартъ часто жертвуетъ большія суммы денегъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго заведенія, лично ему несимпатичнаго, для того лишь, чтобы его имя оумѣстили въ газетахъ въ спискѣ жертвователей или представили бы къ наградѣ.

Въ общемъ открытіе благотворительныхъ заведеній не въ обычаѣ у туземцевъ.

Первый шагъ къ общественной

благотворительности между туземцами слѣлалъ покойный генерал-губернаторъ Духовской, открывъ въ 1904 г. въ ст. городѣ на базарѣ „ходжи-маликъ“ богадѣльню для 15 сартовъ-стариковъ, проживающихъ раньше въ богадѣльнѣ Императора Александра III въ русскомъ городѣ. Открыто это богоугодное заведеніе было на арендные деньги, получаемыя съ имущества сарта Агзамбасева, послѣ смерти котораго за отсутствіемъ наследниковъ это имущество отошло въ казну.

На эти средства раньше существовала мадраса „Шукурханъ“, а потомъ эти средства были изъяты для содержанія убѣжища для безпріютныхъ стариковъ-сартовъ.

Имущество умершаго Агзамбасева состоитъ изъ двухъ сараевъ съ лавками и отдавался въ аренду раньше за 1500 руб., а въ нынѣшнемъ—за 1650 руб. въ годъ.

Такимъ образомъ, для нужды 15 стариковъ-нищихъ 1500 руб. на первое время было вполне достаточно. Имъ дали по кошомкѣ, одѣялу и подушкѣ, одѣли ихъ въ національныя одежды, назначили каждому по одной „худжрѣ“ (комнаткѣ-кельѣ) здѣсь же въ отдаваемомъ въ аренду сараѣ, опредѣлили чайное и столовое довольствіе и приставили сторожа, который и готовилъ имъ неприхотливый обѣдъ.

Прошло 5 лѣтъ. Изъ 15 человекъ богадѣльцевъ 9 частию умерли, а частию ушли по своему желанію.

Недавно мнѣ пришлось посѣтить богадѣльню и имѣть съ живущими тамъ стариками бесѣду. Ихъ осталось только 6 человекъ, трое изъ которыхъ совершенно слѣпые. Боже! Что за грязь и мразь въ кельяхъ живущихъ. Ка-

жется, каждому дается одна комната (много комнатъ пустыхъ) между тѣмъ грязь и вонь ужасная! Видъ живущихъ производитъ отталкивающее, гнетущее впечатлѣніе—оборванные донелъзя, грязные, худые, желтые съ испитыми лицами, съ открытыми на выкатъ глазами, которыми они ничего не видятъ;—въ сравненіи съ ними простой сартовскій уличный нищій приличнѣе.

На полу въ кельяхъ грязныя доскутья разложившейся кошмы. Одѣяла и подушки, выданныя 5 лѣтъ назадъ, превратились въ лохмотья, видъ которыхъ чисто-плотный „человѣкъ“ вынести не въ состояніи. Когда я осматривалъ ихъ, то въ нихъ что-то шевелилось живое...

Позвали слѣпого сѣдого старика. Я началъ его разспрашивать. „Тахсиръ!“ (господинъ) говорилъ онъ: вотъ уже пять лѣтъ, какъ „Духовска“ перевелъ насъ 15 человекъ сартовъ изъ русской богадѣльни „Миръ-Абода“ (Старо-Госпит. ул.) сюда. Тахсиръ! изъ насъ 9 человекъ частию умерли, а нѣкоторые ушли, недовольные такимъ житьемъ и если бы у меня были глаза, развѣ бы я оставался здѣсь. Вотъ уже два года, тахсиръ, какъ мы не получали обуви и верхнее платье, а съ годъ тому назадъ намъ дали по рубашкѣ, когда услышали, что придетъ сюда губернаторъ. Каждый день даютъ намъ по двѣ лепешки, два чайника чаю и по одному фунту въ мѣсяцъ сахару; одинъ разъ въ день варятъ для насъ пловъ изъ 1 фунта мяса и сала и 4 ф. риса. Моеть бѣлье два раза въ мѣсяцъ киргизка. Готовить обѣдъ, ходитъ за хлѣбомъ и чаемъ одинъ изъ насъ, получая за это 7 руб. Вотъ все наше продовольствіе! Ни ке-

росину, ни дровъ, ни углей ничего не даютъ. Эхъ, тахсиръ, скверно, но самое плохо, — баня“ нѣтъ, баня“, говорилъ слѣпой, выбирая изъ лохмотьевъ нацѣдливыхъ насѣкомыхъ. И въ заключеніе, махнувъ съ сокрушеніемъ сердца высохшей, какъ пергаментъ, рукой, добавилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, которому онъ научился въ бытность свою въ русской богадѣльнѣ: „Мирабодъ бсе люча билъа“ и поникъ съдой головой...

Разспрашивая другого старика, слѣпца, выходившаго собираться на улицу, я, изъ отвѣтовъ его, повялъ, что на это вынуждестъ его голодъ...

Одинъ изъ богадѣльцевъ заявилъ, что мясо на пловъ идетъ часто изъ сбръзковъ козлятины, а сало отъ „саунгаровъ“ (мыльных торговцевъ).

Выходя изъ богадѣльни, я вынесъ такое же впечатлѣніе, когда осматривалъ въ Бухарѣ „зиндоны“ (комнаты для тяжкихъ преступниковъ).

Точный подсчетъ расходовъ по богадѣльнѣ на 15, а сейчасъ на 6 человекъ, на которыхъ ассигнуются арендные деньги въ суммѣ 1650 руб. въ годъ или 138 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, оказываются въ слѣдующихъ цифровыхъ даннѣхъ: чайное довольствіе, считая ежедневно 12 лепешекъ и 12 чайныхъ чашекъ, и 6 фун. сахару ежемесячно, все въ мѣсяцъ — 15 руб. 30 коп.; головъ — 1 ф. сала и бераиры, и 4 ф. риса, и приправы — 60 коп., а всего 18 р. За стирку бѣлья, два раза въ мѣсяцъ, киргизкѣ-прачкѣ — 3 р.; 7 руб. эконому-служителю, выборному изъ богадѣльцевъ; 5 р. дрова и керосинъ (они расходуются только на кухню), а всего 48 руб. 30 к., скажемъ даже 50 руб., а гдѣ же

остельныя? Неужели они пошли на одежду и обувь, когда эти несчастные старики сами заявляли, что уже второй годъ, какъ они не получали верхнюю одежду и обувь, и годъ, какъ бѣлье?

Осноранная, какъ первый опытъ общественной благотворительности для примѣра сартовъ, такая богадѣльня не только не внушаетъ довѣрія и подражанія, но напротивъ — вызываетъ смѣхъ туземцевъ и даетъ имъ право думать, что и русскія благотворительныя заведенія устроены на такихъ же рациональных началахъ. Вотъ, почему понятны заявленія призрѣваемыхъ стариковъ, что ни одинъ изъ мусульманъ не жертвуетъ въ ихъ пользу ни копейки. Значитъ, не только нечувствіемъ пользуется это заведеніе, но даже и пренебреженіемъ. А вѣдь, кажется, здѣсь и нужно было бы показать всю пользу открытаго дома, поставить его высоко и тѣмъ пріохотить населеніе, и привить ему любовь къ общественной благотворительности.

Но вышло наоборотъ: изъ 15 человекъ нѣсколько умерло (занять ихъ мѣста не нашлось охотниковъ), нѣкоторые сбѣжали, а оставшіеся, влача жалкое существованіе, въ сравненіи со своимъ положеніемъ, жизнь уличнаго нищаго считаютъ хорошей!..

А облегчить участь стариковъ, кажется, не такъ трудно. Купить самоваръ, которымъ они могутъ всегда пользоваться для своихъ нуждъ; выдавать каждому по $\frac{1}{4}$ чаю и по 4 лепешки; усилить мясную порцію въ пловѣ; варить, кромѣ того, шурпу, хотя бы изъ говядины; водить ежедневно въ сартовскую баню. Все это будетъ расходовъ руб. на 30. Снабдить одеялами, подушками и кошмами;

давать два раза въ годъ, согласно сезонамъ, верхнюю одежду и обувь, и смѣны три нижняго бѣлья. Въ зимнее время выдавать уголь для сандаловъ и керосинъ для свѣх; нанять отдѣльнаго сторожа, к торый слѣдилъ бы за чистотой келій и обслуживалъ нужды стариковъ.

При дешевизнѣ и неприхотливости костюмовъ и обуви это обойдется не дороже 20 руб. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, сглаживая немного жизнь несчастныхъ слѣпыхъ, и такъ уже наказанныхъ судьбой, не только не выйдетъ перерасхода, но получится и изрядная экономія.

Итоги сельскаго хозяйства за 1908 г. по Ташкентскому уѣзду.

Отсутствіе саранчи за послѣдніе два года въ Ташкентскомъ уѣздѣ и благопріятныя атмосферическія условія во время весны дали возможность особенно развиться главной культурѣ въ уѣздѣ: а именно культурѣ хлѣбовъ. Посѣвъ пшеницы главнымъ образомъ производится на неполивныхъ земляхъ, т. наз. богарныхъ, и площади запашекъ на этихъ земляхъ въ отчетномъ году особенно увеличились. Посѣвъ пшеницы на богарныхъ земляхъ предпочитается посѣвамъ на поливныхъ въ виду того, что на богарныхъ земляхъ зерно получается больше полновѣснымъ, да и самые урожаи выходятъ лучше. Въ среднемъ на богарныхъ земляхъ съ казенной десятины получился урожай пшеницы 70—80 пудовъ, были случаи урожая до 150 пудовъ съ

казенной десятины. Гармъ-сила въ некоторыхъ районахъ понизила количество урожая и зерно получилось щуплое, какъ, на примѣръ, районы: Акжарской, Булатовской и Алтынновской волостей. Въ общемъ же для культуры хлѣбовъ текущій годъ былъ очень благопріятнымъ и урожай въ среднемъ былъ хорошимъ.

Слѣдующею культурою является культура риса. Сравнительно съ прошлымъ годомъ въ текущемъ условія были лучшія. Особенно благопріятныя условія были осенью, если не считать вторую половину сентября м. сравнительно дождливую. Тѣмъ не менѣе урожайность риса получилась въ среднемъ 250

—300 пудовъ съ казенной десятины, что надо признать урожаемъ также хорошимъ. Мѣстами рисовыя поля также подверглись дѣйствию гармъ-сила, хотя мало причинившимъ вреда рису. Лучшимъ по качеству рисомъ какъ и всегда надо признать Ангренскій; хотя въ послѣднее время рисъ Чирчикскаго района, благодаря разливамъ р. Чирчика, также получилъ болѣе лучшія качества, приближаясь по своимъ качествамъ къ Ангренскому. Культура хлопчатника, занимающая третье мѣсто среди всѣхъ культуръ въ уѣздѣ, благодаря неудачамъ прошлаго года сократилась почти вдвое. Текущій годъ, хотя и подавалъ сельскимъ хозяевамъ розовыя надежды на могущій быть прекрасный урожай въ результатѣ же получился урожай хлопка ниже средняго, въ среднемъ 25—30 пудовъ съ казенной десятины, и встрѣчались хозяйства, гдѣ урожайность была не болѣе 10 пудовъ сырца съ десятины. Такая неудача съ хлопкомъ и въ текущемъ году объясняется 1) слишкомъ поздними посѣвами въ непо-